

XX 1957

~~XX~~

НОКТАБРЬ 8

7-8

МОЛОДАЯ

ГВАРДИЯ

**ЦКРКП
ЦКРКЕМ
МОСКВА**

Год издания 2-й.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

XX $\frac{195}{7}$

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЖУРНАЛ

ЦК РКП и ЦК РКСМ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ Л. АВЕРБАХА, И. ВАРДИНА, И. ЛЕПЕШИНСКОГО,
К. РАДЕКА, О. ТАРХАНОВА и Ем. ЯРОСЛАВСКОГО

№ 7—8

СЕНТЯБРЬ — ОКТЯБРЬ

МОСКВА
1923

XVIII

А. Веселый.

УЧЕБНОЕ ПЛАВАНИЕ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА

(Зарисовки)

Американцам не угнаться.

Севастопольские каменистые улицы умыты вчерашним дождем. Из-за дефи стройных тополей выглядывают чистые домики под черепицей.

Город принаряжен.

По фасадам морских учреждений в свежем ветре полощутся сотни разноцветных сигнальных флагов: „Красный моряк, крепи связь с рабочими и крестьянами!“ „Да здравствует возрождающийся Черноморский флот“ и т. п.

С Корабельной слободки, где живет большинство семейных моряков, с раннего утра идут военморы с женами, а некоторые и с матерями, нагруженные узелками, корзиночками: провожают.

Проводы в поход — один из самых торжественных дней в семье моряка.

А тут еще поход то не какой-нибудь, а красный, первый поход возрожденного флота.

И хотя выступление назначено на завтра, но домашние идут провожать своих родных и близких сегодня. День отхода—крайний день, и без особо уважительных причин никого на берег пускать не будут. От пристани военные шлюпки и ялики развозят военморов на корабли.

Эскадра в Северной бухте. Дымят трубы: пробуют работу котлов. Это так, „на всякий случай“; все на каждом корабле, с механика до кочегара, знают, что котлы в полной исправности.

На догорающем вечернем небе четко вырисовываются строгие силуэты эскадренных миноносцев, минных заградителей, канонерских лодок, невдалеке у понтонной дремлют подводные лодки.

В свое время Врангель увел из порта все что можно было увести, остальное порвал и потонил, превратив южную бухту в кладбище кораблей.

Казалось флоту не бывать. Не с чего было взяться. Не к чему руки приложить—все гнило, все рассыпается.

Памятный приказ РВС и Пучервофлота.

— Флот восстановить.

И работа закипела... Интересно проследить историю починки одного линейного корабля „Коминтерн“, бывш. „Память Меркурия“.

Вот что рассказал мне старший механик этого корабля,—один из ветеранов Черноморского флота, несколько раз побывавший во всех морях

и океанах. Знаящий Малакский архипелаг не менее хорошо чем Севастопольскую бухту.

— Осталась тут после белых лодка с дыркой, да челнок без дна... И наш корабушка по уши в воде торчал. Котлы порваны, арматура снята: ржавчины на вершок, травой все поросло, глядеть—сердце воротит. Приказ, „Восстановить“—Есть.—Какой разговор? Есть и отдирай пока не примерзло. Взались. Давай, давай. С чего взяться? Струменту нет. Материалу нет. Денег нет. Хлеба мамалыжного полфунта на нос.. В трюмах вода, в рулевом отделении вода, в кочегарке вода. Клапаны порваны, отсеки разведены—ну, разруха во всероссийском масштабе... Качать воду то надо, а как ее будешь

За переборкой моторов

качать, ежели турбины застопали? Удалые долго не думают: давай в ручную мотать: пердячим паром... Гнали-гнали, гнали-гнали—глаза на лоб лезут.

— Стой, конвой.

— Почему такое.

— Так и так.

Приходим ватагой до начальника—комиссара.

— Паек?

— Паек.

— Нет пайка, товарищи...

Потому разруха, голод, красный ремонт сознательный и так далее.—Вот—говорит—вам махры по две осьмушки на рыло, а больше ничего сделать не могу...

Скоро, гыт, приходят из центра Канселистов на подмогу, а больше ни зело сделать ни могу.

Закурили мы, утерлись да и пошли.

— Ну и как же?

— Да ведь как... Разв когда вырывалось из моряцких рук хоть одно дело? Никогда сроду. Но шепочке склеили, по винтику снесли... Морской завод же опять помог, шибко помог... Камса подержала: ребятишки, а старались, из кожи лезли,—цепки до дела прокляты... Так вот из ничего и строили мы кораблюшку. Теперь первый корабль в эскадре девятнадцать узлов дает—с гордостью закончил старик...

И, немного помолчав, добавил.

— Приходили тут к нам гости—американцы из Ара. Ходят, шущают, звизками щелкают.

— Оль райт, оль-райт!).

А узнав что ремонт свой ведем больше года удивились „У нас в Сан-Франциско, говорят, подобный ремонт отнимает две недели“—Хорошо—е... „Бывает у вас, спрашиваем, такое: Материалу нет, струменту нет, мастерам по четыре месяца ни копейки, сами по целой неделе без горячей пиццы—на одном хлебе мамалыжном в прикуску с махоркой?“

Глаза вытаращили.

— Ну, вот, го-го... Сытый человек да с хитрой техникой, всякий сможет, а вы попробуйте по нашему поработать, тогда и говорите...

Да, тут американцам не угнаться...

В походе.

За шумом и грохотом корабельной работы не слышно было команды сниматься с якоря.

Двинулись гравитные берега, заткапные зеленью.

Приморский бульвар и берег корабельной бухты вплоть до базара усеян провожающими. Из толпы зевак резко выделяются стройные ряды береговых команд военморов.

На карабле все заняты работой на верхней палубе.

На берегу гремит оркестр. От нас отвечает свой корабельный оркестр. Настроение приподнятое.

Недаром прошли два года голодовки, холодовки, работы в тяжелых условиях: флот идет в плавание.

— Полный ход.— подается команда.

Командир и боевые старшины одного из крейсеров.

Выходим из клещей фортов. Впереди открытое море дымится вечерней мглой.

Некоторое время за нами гнались низкие Евпаторийские берега, но потом и они отстали.

Кругом море.

Тянет легкий бриз. Суда идут кильватерной колонной ¹⁾.

Интересные картины можно было в это время наблюдать в машинном отделении и кочегарке.

На 95% команда молодая—комсомолцы. Год сидели по школам. Здесь впервые приходится перефлетать теорию с практикой.

¹⁾ Гуськом.

А машина, известно, штука капризная, — зазевайся на пару минут и гляди, что либо лопнет или перегорит.

И надо сказать по правде, — справляются со своей задачей молодые моряки хорошо.

На перевале Турхунтуйского маяка начало качать (здесь вечная качка). Капитан забеспокоился и отдал распоряжение идти средним ходом.

Через пять минут прибегает в боевую рубку старший механик. Спрашивает, почему идем средним.

— Вас укачает там, особенно в кочегарке с непривычки, — говорит капитан.

Механик срывается и бежит в кочегарку.

— Ну как ребята, выдержим на полный.

Заглушая рев ветрогонок, грохая у котлов ломками и грибками кочегары в один голос:

— Даешь полный. Выдержим.

В машине, где жара поднималась до 60—70°, команда дает тот же ответ.

Механик опять летит наверх на переговоры и скоро корабль переходит на полный.

Со старыми моряками у комсомольцев взаимоотношения не заставляют желать лучшего. Однако, это не мешает относиться друг к другу критически.

Один московский комсомолец рассказал мне такой довольно характерный случай.

— Ты, что же думаешь, если ты старший моряк, так на тебя и богу молиться надо. Ты вот на деле покажи свои знания, тогда так.

Оказалось, что в главной магистральной цепи сгорела ответвительная коробка, в которой есть эбонитовая пластинка. Ребята, прекрасно зная сами, все таки обратились к старшему электрику с коварным вопросом: „Как, мол, тут быть“.

А тот возьми да и бухни:

— Оловом залейте.

А олово проводник. Инструктор смешался и посоветовал.

— Ну, тогда чем набудь залейте, я не знаю.

Ясно, что после таких двух-трех испытаний молодежь теряет всякое доверие к „старыку“ и того приходится убирать на другое судно.

И с своей стороны один „старик“ жаловался.

— Плохие нынче моряки пошли... Вызывает его вахтенный—сделай то-то. И начнет бубнить: „Почему меня, а не другого“... „Да это почему вот так, а не вот эдак... И товарищество в морях раньше было крепче.

Кое в чем со стариком приходится и соглашаться. Хотя в последнем вопросе он кругом неправ, забывая, что товарищество приобретается в длительной совместной работе, особенно среди опасностей.

Молодежь выходит в свое первое плавание. И в нем чувство товарищества несомненно окрепнет.

Как проходит день на корабле.

Ровно в шесть, не успеет солнышко еще показаться, как горнист играет побудку.

А там, глядишь, побежали по рядам спящих вахтенный начальник и иного звания люди с свистками, с лудками, с кривыми и резом.

— Вставай, койки вязать.

— Живо.

— Ой, поднимайся.

Время в обрез.

Каждый знает это и, наскоро протирая глаза, в то же время зашнуровывает койку и одевается.

Градом пятки по трапам.

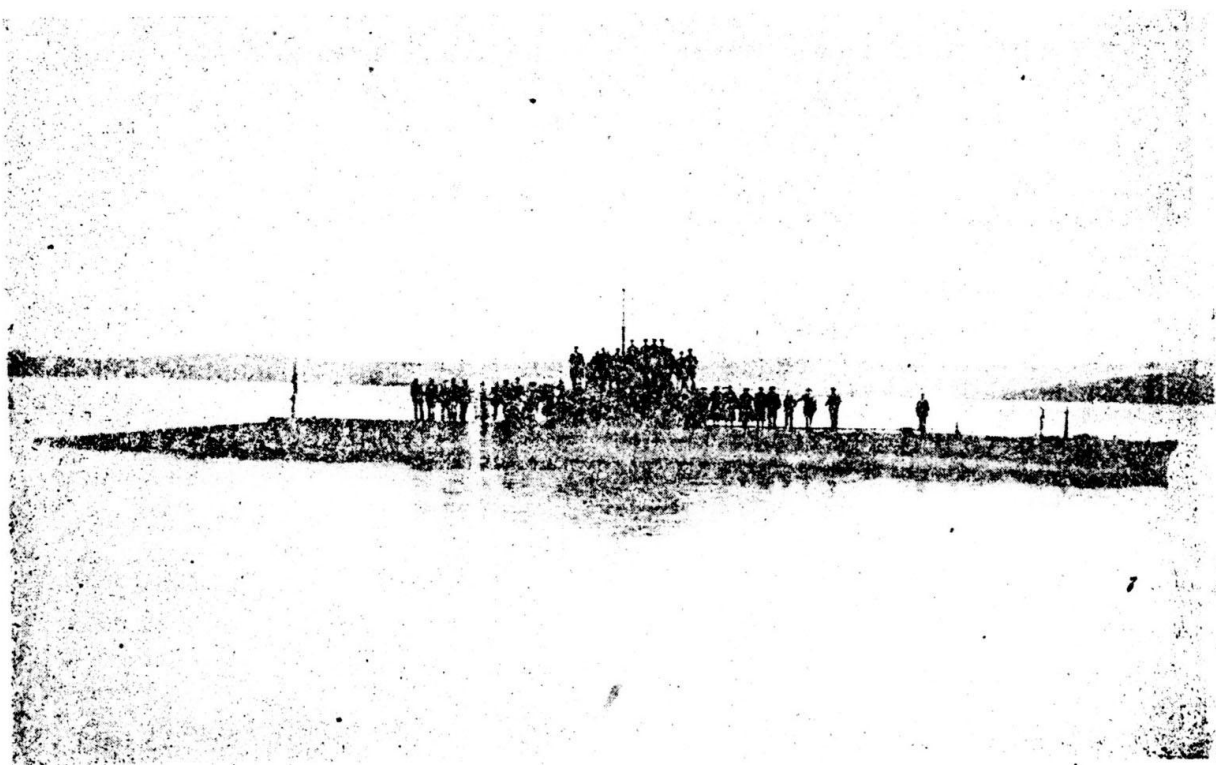
Через пару минут в умывальне один сплошной фырк. Краснобаи рассказывают никогда невиденные сны. Сговариваются на счет предстоящих сегодня работ.

У каждого свое.

На скорую руку гоняют чай в прикуску с ржаными сухарями. Живут дружно. Тащат в один кулек у кого что есть: сахару пару кусков, кусок белого хлеба, огурец.

Ни с чем не расстаются—все пополам, да на-двое.

На мостике старпом. Маленький, визгливый, цепкий—козонак. Еще с юнкерского осталась привычка кричать во всю глотку. Возражений не терпит. Сердит: вчера с спуском флага вместо положенных 6 секунд прово-

Подводная лодка с командой.

зились 30! Позор! Чорт знает что! Старпом угнетен, старпом удручен: он любит свой корабль. Плохо спал, утром кушать ничего не изволил. Перегнулся с мостика, кричит на полубак.

— Не плевать.

— На борту не виснуть.

— Ходи веселей.

— Назаров два наряда.

В крике стводит душу.

На полубаке жарко,—разметались сменявшиеся с вахты кочегары. Валяются на брезенте, чтоб палубу не возить. Черные, как головешки обожженные, только белки да зубы сверкают. Солнце лижет их, крепкий ветер продувает легкие.

Визг старпома веселит. Вполголоса.

— Стараеся, лает—хлеб зарабатывает.

— Злой нонче.

— Он никогда добрый-то не был.

— Достанется палубным,—загоняет.

— И чего орать любит.

— Дворянин, его благородие,—погляди в анкету-то.

— А-а-а.

Через весь корабль гремит и катится команда.

— 3 и 7 АМ, стройся на левых шканцах.

— Вылетай.

— Ну поворачивайся.

— Подбирай пятки.

— 3 и 7 АМ, стройся на левых шканцах.

— Есть.

Идут боцмана и старшины: начинается разводка по работам.

Искусство старых боцманов заключалось в том, что ни одному человеку на корабле в течение целого дня не давать покою: для каждого пайти какое-нибудь дело.

Эта добрая традиция, закаляющая моряка, поддерживается и сейчас.

Машинисты и кочегары спускаются к себе и под присмотром спецов проверяют свои теоретические познания, приобретенные в школах.

На палубе своя жизнь.

Пищат аппараты в радио-рубке: радисты принимают Париж—Лондон.

На капитанском мостике в проворных руках сигнальщиков плещутся разноцветные флажки.

Палубные производят уборку. Трут, скребут, дряют. Жаром горят медные колпаки вентиляторов, поручни, кнехты.

Целые потоки воды хлещут по палубе. Мелькают проворные пятки. Солнце горячими крыльями бьется в мокрую палубу.

Только и слышны крики.

— Живо. Живо, молодчики.

— Есть.

Хлюпают швабры. Мечутся голики, щетки, суконки.

А к орудиям уже подтаскивают ящики со снарядами. Но сложным приборам наводчики выверяют прицелы.

— Второму номеру дать очередь.

— Есть.

— Товсь.

Бум. Снаряд с воем летит и поднимает в трехстах саженях около мишени столб воды.

— Неделет.

— Беглый огонь. Товсь.

— Ест. Ест.

Затявкали орудия. Трещат полотнища мишеней. Пульные попадания смечает звяканье чугунной доски.

Незаметно бежит время.

А там, глядишь, и сигнал на купанье. В одну минуту палуба усыпана купающимися. Выспут по бортам, по трапу, по выстрелу.¹⁾

Наконец подается сигнал „Движение в воду“.

За борт летят пятки. Пенной, брызгами. Задорные крики.

— Го-го-го.

Обедается с превеликим аппетитом.

Проворно работают молодые челюсти и перетирают все: что в них ни попадется.

¹⁾ Означает брызги по бортам, выспут по трапу.

Послеобеденный отдых.

Балагуры собираются на полубаке. Грея на солнце пуны, рассказывают всякую всячину. Ржут—зуб не покрывают.

И в „Красный Уголок“ народу набилось, как спичек в коробку. Потрошат свежие газеты. У библиотекаря длинная очередь.

— Ну, отметь меня.

— Что возьмешь?

— Из беллетристики повеселей чего.

— Так, а тебе, Андрюша, что.

— Мне потолще.

— Вот эту—тычет библиотекарь пятерней в самую толстую книжку на полке.

— Эге-ж.

Любитель толстых книг сгребает ее под мышку и торжественно уносит, даже не заглянув в заголовок.

Здесь же ведутся самые ожесточенные споры по вопросам политики, быта, традиций флота и т. д.

Незаметно пролетает час отдыха, а там и опять за работу.

Тут уже наряду с практическими занятиями проводятся и политчасы.

На сцену появляются политруки, групповоды, члены походного политотдела.

Дневная жара спадает. Синие тени вечера зализывают рябь на море.

Играется отбой.

Только тут и начинается полный отдых. На полуюте, на разостланных коврах—гимнастические упражнения, гантели, кольца.

Тут же заливаются балалайки музыкального кружка, готовящегося к ближайшему спектаклю.

Хоровой кружок дюжиной литых глоток напоминает всему кораблю о своем существовании.

Окруженные молодежью, „старики“ рассказывают о днях былых, о прежних походах, о годах гражданской войны.

Плетутся анекдоты, неизбежные, как смерть во всяком сборище людей.

После спуска флага ¹⁾ корабль кутается в сумерки, вспыхивают звезды. Зажигаются топовые, сигнальные и кильватерные огни.

В кубриках спать душно.

Койки разбрасываются по жилой палубе, по полубаку, по полуюту.

И скоро могучий хран тысячи глоток потрясает корабль.

После сигнала ушами хлопать некогда—ведь спать полагается только казенное время: до шести.

Завтра опять за работу.

¹⁾ Спуск и подъем флага—самые торжественные моменты в жизни корабля. Старая традиция, совершенно непонятная большинству молодых моряков.